

vedtver.ru

Героя на авансцену

Марина БУРЦЕВА

Фото Максима ШКОЛЬНИКОВА/
РИА «Верхневолжье»

Повесть «Пиковая дама», которую Белинский назвал анекдотом, инсценируют часто, но вкладывают в него смысл, анекдоту не свойственный. Видят историю о несчастной любви, болезненной страсти, сумасшествии, фатуме и роке.

А в спектакле «Пиковая дама», который режиссер Александр Павлишин поставил в Тверском театре драмы и жанр его определил как мистическую драму в двух действиях, он рассказывает о том, что зло проникло в наш мир. В самом начале, когда нам представляют персонажей (которых, заметим, у Пушкина нет) – Тройку, Семерку, Туз, уже при первом взгляде на них становится понятно, что без вмешательства inferнальных сил здесь не обошлось.

Постановщиков часто обвиняют в легкомысленном отношении к классике,

ловно историческое.

Замечательны также сценография и световое оформление. Когда на больших люстрах и где-то вдалеке в глубине сцены загораются огоньки, пространство кажется бесконечно огромным. Очень эффектно выглядят огонь и струящийся красный дым в вертикальных прозрачных колоннах. Дыма, кстати, много, что особенно заметно зрителям, сидящим на первых рядах, но он не мешает.

Длинный трансформирующийся стол, покрытый сукном зеленого цвета, – куда же без него, когда на сцене карточные игроки. Не обойтись и без музы-

Тройка, семерка, туз, или Они думали, что играют в карты

В репертуаре Тверского театра драмы появился очень необычный спектакль

и обычно первой предъявляется претензия к внешней стороне: костюмы современные, неправильно показана эпоха. Решение авторов нашего спектакля не устраивать традиционное костюмное представление с широкими юбками и париками, безусловно, удачно. Примет XVIII века, когда графиня была молода и следовала моде того времени, здесь ровно столько, чтобы обозначить эпоху. Нет надобности придерживаться заданной ею стилистики: здесь предстоит решать другую задачу. У названных персонажей – облачение внеисторическое, а у всех прочих – ус-

ки – нет, не Чайковского, а Шнитке: как никакая другая, она способна создать колоссальное душевное напряжение и атмосферу потустороннего мира. Кажется, этому композитору больше всего досталось от создателей произведений разных жанров, где героя посещает призрак или он сходит с ума: здесь как раз и включают эту гениальную музыку. Именно она привела к мысли, а потом ее и утвердила, что разыгрываемая на тверской сцене история – гоголевская, а не пушкинская.

И вот здесь стоит сказать о главном – идее спектакля и персонажах,

которые ее воплощают. «Сатана там правит бал» – вот идея. А служат ей уже упомянутые Тройка, Семерка, Туз.

Они ни на миг не покидают сцены, всегда оттесняя на задний план всех остальных. Туз переводит для нас с французского на русский непонятные слова, поясняет карточные и другие термины. Семерка скачет чертиком по столам, ходит колесом, стоит вверх ногами, и оба глумливо хотят. Червонная Тройка, самая избыточная и ужасно вульгарная, при всяком удобном случае принимается, кривляясь, изображать похоть.

Развязные, с характерным гримом, обряженные во что-то черное, а червонная тройка еще и в сочетании с красным, они непрерывно мельтешат, всем руководят, во все вмешиваются, соблазняют, нашептывают, обманывают. Германну нахлобучивают на голову императорскую треуголку, внушая: «Вот оно! Профиль Наполеона, а душа Мефистофеля».

Они все извращают, все высмеивают – не только любовь Лизы, но

и смерть графини, и безумие Германна. Он не очень симпатичный персонаж: слишком уж гордый, а вот бедная Лиза, оказавшаяся в руках этих пошлых и страшных кривляк, кажется, одна только и противостоит этому сатанинскому балу.

Имя этим персонажам давно известно: пошлость. Одно хорошо, что они лишены своеобразного обаяния свиты булгаковского Воланда и психологизма оппонента гетевского Фауста.

Иной раз кажется, что на сцене два непересекающихся мира – тройка бесов и группка игроков, настолько блеклых, что трудно выделить кого-то и запомнить. Кроме Чекалинского. Когда артист Кулагин выходит в образе второстепенного пер-

стовских высот финальная сцена.

ДАМА В ЧЕРНОМ

Есть еще один центральный персонаж, Дама в черном. Она действует заодно с этой троицей, но стоит особняком, и в ней чувствуется сила и власть. Распорядительница всего этого чудовищного бала, она хлопает своим веером, отбивая смену картин. Устраивает свидание Германна с Лизой, подсовывает ей письма, которые потом водопадом хлынули откуда-то сверху – классная находка режиссера. Внушительно и веско говорит Германну: «Пора!».

Но именно Черная дама, как бы угадывая наши мысли, своим виолончельным голосом читает пушкинские строч-

сонажа, в маленькой роли почти без слов, какие бы коленца ни выкидывала тройка, что бы ни происходило на сцене, смотришь только на этого тихого, незаметного человека.

И только в сцене бала, очень страшной, эти трое смешались с людьми танцующими, выделяясь черными костюмами и вызывающей пластикой. Так же пугающе вырастает из анекдота и поднимается до трагических фау-

ки «Мчатся тучи, вьются тучи».

В ней глубина и загадка – кто она, эта Черная дама? Та самая Пиковая дама, которая приносит несчастье? Обратимся с этими вопросами к исполнительнице этой роли, актрисе Тверского театра драмы **Дарье Плавинской**.

– Инсценировка **Владимира Обухова** была написана для московского ТЮЗа в 1986 году и нигде не публиковалась, – рас-

сказывает Дарья Плавинская. – Это большая удача, что режиссер Александр Павлишин нашел эту пьесу и предложил нам. Да, здесь есть и гоголевские, и булгаковские темы. Мы, как люди православные, знаем, что есть свет, но есть и тьма, и человек всегда находится перед выбором. Соблазнам и искушению подвержен любой человек. А мой образ – не Пиковая дама, а Дама в черном, которая олицетворяет рок. Она знает всю эту историю, поэтому соединяется с автором повести, становясь иногда с ним заодно. От судьбы не уйдешь – ты слишком подвластен этим страстям, говорит она, но все же попробуй, поборись!

– **Черная дама оказалась орудием в руках старой графини, обманувшей Германна?**

– Графиня его не обманула: она поставила условие, которое он не выполнил, – жениться на ее воспитаннице. Германн, погружаясь в свою алчность, гордыню, забыл о предостережении и поплатился за это. Я ему предлагаю выход в противоборстве страстям: у каждого есть свой выбор. Но нет. «Прочь, судьба, я сам! Ты мне больше не нужна», –

говорит мне Германн. Что ж, тогда ты получишь все по заслугам, как тебе предназначено. Ты возомнил о себе: «Кто я? Тварь ли дрожащая или право имею? Я – покоритель мира, я – Наполеон!».

– **Кто для Черной дамы Тройка, Семерка, Туз и Пиковая дама?**

– Там есть такие строчки: «Они думали, что играют в карты. На самом деле играли в них мы». Я управляю всеми этими картами – как судьба, которая знает будущее.

– **Почему же она позволяет этим чертенятам распоряжаться жизнями людей? И не только позволяет, но и подговаривает погубить их. Разве ее право не в том, чтобы просто наблюдать за тем, что происходит?**

– Я думаю, что мой персонаж – не правительница темных сил, а рок, судьба. Она провоцирует человека, посылает ему испытание. Искушает: «Ну сделай шаг в другую сторону». В финальной сцене, когда разыгрываются карты, судьба выходит на передний план. Получив две верные карты, Германн решил, что он победитель мира, что взял судьбу в оборот. Ду-

мал, в его руках туз, на самом деле это была дама.

– **Спектакль необычный по форме и трактовке. Сложно было репетировать?**

– Нет, честно скажу. Повторюсь, как человек православный, пытаюсь себя контролировать, прекрасно понимая, как бывает в жизни сложно, каким испытаниям мы подвергаемся. Мне это было интересно. С режиссером работать легко, мы хорошо друг друга чувствуем, совладаем: мне достаточно просто указать направление. Работаю с удовольствием, материал интересный, своеобразный. И партнеры у меня хорошие. Мне очень нравится исполнитель роли Германна, **Артем Яцуненко**, очень вдумчивый, настоящий, серьезно готовился к роли. У этого актера большое будущее.

– **Внутреннего конфликта не было?**

– Нет. Может, потому, что я понимаю, что делаю и про что играю. Мы ведь не про бесов спектакль играли, а про человеческие страсти. Говорим о том, что не надо строить из себя святош. Любой человек подвержен опасностям, которые могут с ним случиться. Главное, как он с ними справляется. Потому режиссер и предложил читать стихотворение «Бесы» – в сценарии этого нет.

